

Чечерина Ольга Борисовна,
редактор,
отдел методической работы
в сфере социального обслуживания семей и детей,
Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение
«Городской информационно-методический центр «Семья»,
Санкт-Петербург

С разных точек зрения

Один смешлив, другой хорошо рассказывает анекдоты.

Тот сентиментален, а этот потихоньку помогает больным детям.

Не стоит подменять понятия:

сентиментальность не является человеколюбием,

мягкотелость – кротостью,

угодничество – смирением,

равнодушие – это вовсе не терпение,

а самодурство – не самобытность.

Точка деструктивная: «Лентяйка»

Как-то мне передали толстую тетрадку с записями одной пожилой дамы. Аккуратным почерком, страницу за страницей она заполняла воспоминаниями о своей малой родине, точнее, о жителях деревни, где прошли её детство и юность.

Центральная Россия времен послевоенных конца 40-х – начала 50-х годов. Автор движется от двора ко двору, перечисляя всех своих односельчан по фамилиям, именам и даже вполне уверенно обозначая года их рождения. Повествование легкое, незатейливое, в основном касающееся внешности, профессии, семейных уз людей, населявших в те времена довольно большую деревню в сто дворов. Я увлеклась, читая о простых людях, представляла, как нелегко было растить детей после войны, когда в каждой семье свои потери – кто-то погиб или вернулся израненным, покалеченным, – пока, наконец, не дошла до одного дома, где... Впрочем, здесь я лучше передам слово автору:

«Этот дом был поделен на две части, и проживали в нем две родственные семьи. В одной половине проживала тётя А. со своим мужем, дядей П. и двумя сыновьями: В. и Н. Дядя П. вскоре умер, после войны был очень болен и беден. Тётя А. – довольно странная женщина, работать не любила, продолжала жить на жалкое пособие мужа и старшего сына-

инвалида, который был душевнобольным, почти не выходил из дома, разве что выбежит, попугает прохожих, особенно нас – маленьких ребятишек, да убежит снова в дом. Всегда был полуголым, а дома и вовсе всегда голышом сидел на печи. Было ему тогда уже лет 16...»

В ту ночь, прочитав и захлопнув тетрадку, я спала мало и плохо. Всякие мысли лезли в голову про эту «довольно странную женщину», которая работать не любила, предпочитая жить на «жалкое пособие мужа и старшего сына-инвалида». Вспоминала рассказы одного католического священника, который ежегодно приезжает на встречи «особых матерей». Как-то он сказал: «Когда мы вместе поплакали, разве что-то произошло? Мы что-то создали? Нет, но мы вместе поплакали, утешились, и это дало нам возможность сделать следующий шаг в жизни. И когда мама заботится о своём ребёнке, она становится «знаком» для других людей, чтобы показать им: «Можно жить! Можно принимать жизнь, продолжая открывать каждый новый день!»

Сказал ли кто-то что-либо подобное той святой «лентяйке»? Кто принес ей и её полуголодному больному сыну пусть не кусок хлеба, которого в те годы и работающим-то не всегда хватало, а хотя бы простое человеческое слово поддержки? Семилетняя девочка не сама придумала, что эта тётенька странная и не любит работать. Так считали взрослые. Но когда она сама стала взрослой, она так и не увидела ту ситуацию другими глазами. Её точка зрения не изменилась.

В той деревне, как в любой другой в те трудные послевоенные годы, работать можно было только в колхозе, от восхода до захода солнца. С кем несчастная мать могла оставить своё неразумное дитя, которое и поесть не смогло бы самостоятельно?! Могла ли она оставить на него дом, в котором не была даже полноправной хозяйкой? Она и на минуту, пожалуй, не могла его без присмотра оставить, а когда отлучалась по нужде, он улучал момент сигануть из дому, чтобы попугать бестолковых и бессердечных соседей. Отчего он сбегал? Никто из них не задавался этим вопросом. Может, он хотел увидеть человеческие лица? Хотел общения, участия. Хотел так же, как его весёлый младший брат, поиграть с детьми? Просто он не знал, как это делать, и делал, как умел.

Точка индифферентная: «Профессор»

Историй, рассказанных мамами «особых» детей, множество. Есть такие, над которыми весело смеешься или тихо плачешь, а случаются другие, в них нет душещипательных, сентиментальных составляющих, но они отчего-то застревают в сознании надолго. Вот одна из них.

Детей нужно приучать к режиму! Для этого прежде всего необходимо, чтобы родители организовали собственную жизнь. В выходные дни строгий распорядок дня не должен быть нарушаем желанием подольше поспать утром и посмотреть телевизор вечером.

Ура! Отлично! Но только это не про нас! Мы спим в выходные ровно столько, сколько захотим и сможем, если, конечно, не запланировали что-то более интересное!

Первый день каникул, девять утра. Спим. Телефонный звонок. Взглянув на экран, просыпаюсь моментально. Звонит учительница младшего ребенка. Сняла трубку, не успев испугаться. За длинными извинениями последовала изумительная просьба: привезти ребёнка в школу прямо сейчас, немедленно! Случилось ЧП: долгожданный, крепко титулованный и многоуважаемый профессор – специалист по работе с детьми с особыми образовательными потребностями – прибудет в школу через 40 минут, чтобы обучить школьных учителей всевозможным тонкостям работы с данным контингентом, а ребёнок, на котором он должен был давать мастер-класс, заболел!

Надо сказать, что я, как большинство нормальных и тем более ненормальных родителей, обладаю проблемными зонами и болевыми точками. И если о первой я успела упомянуть уже «во первых строках» – безалаберность и разгильдяйство относительно режимных моментов, то вторая – это гиперчувствительность по отношению к просьбам тех, кого люблю и уважаю. А учительница у нас поистине стоит того, чтобы немедленно откликаться на все её просьбы, тем более что случается такое нечасто.

Итак, нужно ли говорить, что в назначенное время мой выдернутый из постели, ещё тёпленький, ошеломлённый, но уже накормленный и наряженный ребёнок сидел со своей любимой игрушкой в большом зале перед многоликой и многоглазой учительской аудиторией.

Я, как и полагается, осталась дожидаться за дверью. Ждём пять минут, десять, двадцать... Ничего удивительного, правда?! Нам не привыкать. И вот идут! Первое, что я услышала:

– А вы что, и ребёнка уже привели? Нет-нет, не сейчас!

Вопрос из зала (видимо, наша учительница):

– А когда ребёнка можно привести?

– Ну, через час-два, не раньше.

– ?..

Видимо, немой вопрос повис не только в моём потрясённом сознании.

Ко мне уже шла с вытянутым лицом учительница и вела за ручонку моего мальчика.

Час мы просидели в пустом классе. Почитали книжку, поиграли, побездельничали. Через час за нами всё-таки прибежала наша учительница, а ещё через десять минут вернула мне моего ребёнка обратно. Расторможенного, ошеломлённого.

Всё! Мастер-класс окончен! Педагоги обучены. Ребёночек продемонстрирован. Ура!

Точка конструктивная: «Колготки «Conte»

А это уже совсем другая история. Я не изменила ни слова в переписке, которую без купюр привожу ниже.

Мы общались лишь по телефону и очень коротко. Я просила подробнее рассказать о том, что знала только в общих чертах. Изначально история так поразила меня, что я решила позвонить совершенно незнакомому человеку с расспросами. После нескольких слов сложился образ собеседницы: умная, сдержанная, цельная – именно так я представляю петербурженку. Потом Юля прислала фотографию. Идеальная картина простого человеческого счастья: красивая, молодая мама протягивает руку к обаятельному мальчику. Мне так и не удалось расспросить обо всём подробно, у Юли просто не нашлось времени. Сын требует постоянного неослабевающего внимания. Поэтому предысторию я придумала сама. Так могло быть. А могло быть и иначе. Предыстория выдуманная, а переписка – подлинная.

Макарка сидел в углу между шкафом и стеной и орал. Орал истошно, на одной ноте, при этом лупил себя ладонью куда-то в область правого виска. Юля стояла возле и вяло вертела в руках серо-синие с машинками Макаркины колготки.

Вообще-то из дома нужно было выйти ещё двадцать минут назад, но сын вот так орал уже – тридцать пять. Уговаривать надеть колготки бесполезно, она это знала твёрдо, но всё равно пробовала. Сначала терпеливо объясняла, что единственные принимаемые им синие-серые с хоккеистами ему, к сожалению, безнадежно малы, попа из них видна наполовину, а на улице давно «унылая пора и разочарованье». Затем, не добившись ровным счётом ничего, она постаралась употребить «последний аргумент», но сын проявил совсем не детскую силушку и стал ещё яростнее лупить себя ладонью по виску.

Отошла, встала у окна, уставившись на двух голубей, тыкавшихся клювами в асфальт. Голос сына ещё долетал до ушей, а сердце оглохло. Постояла, тупо глядя за оконную раму, потом развернулась, подошла к компьютеру и стала отчаянно долбить по клавиатуре, набирая странный, абсурдный, безумный текст:

Здравствуйте.

Очень надеюсь, что есть хоть какая-то возможность решить мою проблему. Понимаю, как странно все это прозвучит, но все же рискну... В наличии 8-летний ребенок с аутизмом, который с 3 лет носит ТОЛЬКО ваши колготки конкретной расцветки, точнее, трех идентичных с одинаковым "хоккейным" рисунком. На данный момент последний размер в линейке 110-116 ему уже мал, но все попытки переодеться в другие терпят неудачу, очень сильная зависимость и стереотипия в выборе одежды. Носит маленькие и ходит с полуголой попой.

ОЧЕНЬ прошу, возможно ли заказать мини-партию нашего размера с конкретным рисунком?! Готова заплатить большую цену, чем в Вашем прайсе.

Необходимы колготки такого артикула – 4С-03 СП (169), темно-синий или серый. 122-128 размера, 10-15 штук. Фото во вложении. Буду ВАМ очень благодарна и признательна. Есть родственники в г. Лиды, или оплачу любую пересылку.

Первый ответ

Мы всем сердцем желаем Вам помочь в решении такого вопроса, но, к сожалению, наши попытки практически не увенчались успехом. Мы проверяли остатки не только по всем нашим складам, но и обращались к некоторым нашим клиентам и партнерам, надеясь, что, может быть, у них будут остатки данного товара, так как указанный Вами 169 рисунок уже давно снят с производства.

Именно поэтому мы не отвечали на Ваше письмо на протяжении всего этого времени.

На одном из складов нам удалось найти только 2 единицы этого рисунка в росте 116-122.

В следующей размерной линейке (128-134 и выше) такой рисунок не выпускался.

Если Вас устроит рост 116-122, сообщите, пожалуйста, Ваш адрес, мы вышлем Вам 2 пары, которые нам удалось найти.

Сейчас мы ждем ответа от наших партнеров в Питере, которым в феврале отгружался этот артикул в указанном рисунке и размере 116-122. При наличии в остатках мы попросим отложить этот товар для Вас.

Увы, также мы вынуждены Вам отказать в заказе, так как наши технологические возможности и организация производства не позволяют выпускать изделия небольшими партиями.

Будем надеяться, что еще хоть несколько пар найдутся в остатках у нашего питерского партнера, и тогда мы сообщим Вам их контактные данные.

Всего Вам хорошего! Здоровья Вам и Вашему ребенку!

Второй ответ, неожиданно вскоре после первого

Здравствуйте, Юлия.

Наша компания с радостью поможет решить Вашу проблему.

Как только колготки будут связаны и готовы к отправке, я с Вами свяжусь.

Третье письмо

Здравствуйте, Юлия.

Мы связали для Вашего ребенка 15 шт. детских колготок, рост 128-134.

Напишите Ваш почтовый адрес для отправки.

*С уважением,
менеджер по продукту Ирина К.*

Мамины благодарности

Здравствуйте. ОГРОМНОЕ спасибо!!! ВЫ отправите наложенным платежом, или уже сейчас можно оплатить каким-либо способом?

Адрес: 198... Санкт-Петербург...

Очень Вам благодарна! Пусть у Вас все и всегда будет хорошо, дай Бог Вам здоровья и счастья.

И конец переписки...

Добрый день, Юлия!

Спасибо большое за добрые пожелания!

Колготки мы отправим почтой за наш счет. Ничего оплачивать не надо. Это подарок от нашей компании. Здоровья Вам и Вашему ребенку!

Всё, история окончена, а жизнь продолжается. Она ещё не раз представит нам возможность проявить милосердие и человеколюбие, терпение и кротость, и дай нам Бог не перепутать искушение и шанс, желание слыть с необходимостью быть.